

Я. М. Захер

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖАКА РУ

Французский ежегодник, 1958.
М.: Наука. 1959.

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* ©

I

Двадцать пятого июня 1793 г. было знаменательным днем в ходе великой французской буржуазной революции. В заседании Национального Конвента этого дня вождь «бешеных» Жак Ру выступил от имени клуба кордельеров и парижских секций *Gravilliers* и *Bonne-Nouvelle* с пространном заявлением, которое М.Доманже вслед за покойным А.Матьезом называет «манифестом «бешеных»,¹ но которое мы вместе с Ж.Рюде и А.Собулем² считаем более правильным называть манифестом санкюлотов, или, иначе говоря, плебейских масс. Не касаясь сейчас всех подробностей этого события, остановимся только на тех его моментах, которые необходимы для понимания дальнейшей судьбы Жака Ру.

Первое, что бросается в глаза историку, анализирующему петицию 25 июня, это кажущееся несоответствие между скромностью ее конкретных требований и широким размахом последовавших затем событий. В самом деле, какие практические требования содержались в прочитанной Жаком Ру петиции клуба кордельеров и двух секций?³ Это те же самые требования, которые неоднократно выставлялись «бешеными» еще до восстания 31 мая - 2 июня, а именно: максимум на все продукты и товары первой необходимости, установление смертной казни за спекуляцию, применение массового революционного террора ко всем врагам революции и т.д. Но ведь все эти требования были давно и хорошо известны монтаньярам и все же в свое время не помешали им вступить в союз с «бешеными» против жирондистов! Более того, большинство этих требований было уже в очень скором времени осуществлено самими же монтаньярами в виде законов 26-27 июля о скупке, 29 сентября - о всеобщем максимуме и т. д. Почему же теперь, 25 июня и в следующие дни, эти требования «бешеных» рассматривались монтаньярами чуть ли не как прямое объявление им войны со стороны их вчерашних союзников?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо от рассмотрения практических требований, содержащихся в петиции 25 июня, обратиться к анализу тех аргументов, которыми «бешеные» доказывали их законность.

«Депутаты французского народа, - говорил в своем выступлении Жак Ру, - уже сто раз в этом священном зале провозглашалось о злодеяниях эгоистов и мошенников, и каждый раз вы обещали нам уничтожить пиявок народа. Скоро на утверждение суверена будет представлен конституционный акт. Запретили вы в нем спекуляцию? Нет! Установили смертную казнь для барышников? Нет! Определили, в чем состоит свобода торговли? Нет! Запретили торговлю деньгами? Нет! Вот почему мы заявляем, что вы ничего не сделали для счастья народа!

Свобода не что иное, как пустой призрак, когда один класс может безнаказанно морить голодом другой. Равенство - пустой призрак, когда богач, благодаря монополиям, пользуется правом жизни и смерти себе подобных. Пустой призрак и республика, когда изо дня в день действует контрреволюция, устанавливая такие цены на продукты, достичь до которых три четверти граждан могут, только обливаясь слезами...

В течение четырех лет одни только богатые пользуются выгодами революции. Торговая аристократия, еще более ужасная, чем аристократия знати и сана, занимается жестокой забавой, грабя имущества частных лиц и богатства Республики... Депутаты Горы, если бы вы поднялись с третьего до девятого этажей домов нашего революционного города, вы были бы тронуты слезами и стенаниями огромного множества людей, лишенных хлеба и одежды и приведенных в такое состояние нужды и горя ажиотажем и барышничеством... Неужели собственность мошенника более священна, чем жизнь человека?.. Свобода торговли есть право пользования и предоставления пользования, но отнюдь не право препятствовать пользоваться и тиранить... Богачи - торговцы... все еще продолжают злоупотреблять свободой торговли, чтобы угнетать народ. Они неправильно истолковали ту статью Декларации прав человека, которая разрешает делать все, что не запрещено законом. Так декретируйте же в конституционном порядке, что спекуляция, торговля деньгами и барышничество пагубны для общества».⁴

Вот в этой-то аргументации Жака Ру (и, в частности, в подчеркнутых нами словах,⁵ а вовсе не в выдвинутых им практических требованиях и заключалась причина той, без всякого сомнения неожиданной для него самой, реакции, которой была встречена его злосчастная петиция. И это было вполне понятно, поскольку именно после совместной победы монтаньяров и «бешеных» над последней еще не перешедшей в лагерь контрреволюции прослойкой крупной буржуазии - жирондистами, должна была в полной мере выявиться разница в положении, занимаемом в буржуазно-демократической революции яacobинской революционной буржуазией, с одной стороны, и плебейскими массами - с другой. «Камилль Демулен, Дантон, Робеспьер, Сен-Жюст, Наполеон, как герои, так и партии и народные массы старой французской революции, осуществляли в римском костюме и с римскими фразами на устах задачу своего времени - освобождение от оков и установление современного буржуазного общества».⁶ Но если Робеспьер и Сен-Жюст делали при этом собственное дело своего класса - буржуазии, то плебейские массы боролись хотя и за нужную им, но все-таки по своим объективным задачам чужую для них революцию. Естественно, что при этом было бы невозможно, чтобы «плебеи не вкладывали в революционные требования буржуазии такой смысл, которого там не было, не доводили равенства и братства до крайних пределов, не ставили эти лозунги на голову, заменяя буржуазный смысл этих лозунгов его противоположностью, - и, доведенный до крайности, этот смысл обращался в свою противоположность».⁷

Вот в этом-то и заключался подлинный смысл аргументации петиции Жака Ру - смысл, которого он сам и вдохновлявшие его плебейские массы скорее всего сами не понимали, ибо «формула: «благосостояние для всех на основе труда» выражает чересчур определенно стремления тогдашнего плебейского братства. Чего они хотели, никто сказать не мог до тех пор, пока... Бабеф не придал этому определенную форму».⁸ Но монтаньяры, надо им отдать справедливость, сразу же поняли в чем дело, так же, как они если и не поняли, то ясно почувствовали, что требование внесения запрещения спекуляции в текст конституции означает не что иное, как не осознанный самими авторами этого требования протест против классового характера всякой буржуазно-демократической конституции, которая, провозглашая на бумаге формальные права граждан, ничего не делает для обеспечения возможности их реального использования. Поскольку же на монтаньяров, после падения жирондистов, объективным ходом событий оказалась возложенной задача осуществления тех исторических задач буржуазно-демократической революции, выполнить которые крупная буржуазия оказалась неспособной, - ясно, что петиция Жака Ру должна была вызвать с их стороны самую бурную реакцию против ее автора и его единомышленников.⁹

Мы не будем сейчас касаться всех перипетий событий, последовавших за оглашением петиции Жака Ру. Отметим только, что после чрезвычайно бурной реакции, вызванной его выступлением на монтаньярских скамьях, Жак Ру вынужден был с позором покинуть конвентское заседание.¹⁰ Через три дня, в течение которых ему удалось добиться вторичного одобрения его петиции клубом кордельеров¹¹ секцией Gravilliers¹² и секцией Bonne-Nouvelle¹³, Жак Ру подвергся самым яростным нападкам монтаньяров и Робеспьера в заседании Яacobинского клуба 28 июня.¹⁴ После этого Яacobинский клуб в своем заседании 30 июня постановил послать специальную делегацию (в состав ее вошли, между прочим, Робеспьер и Колло д'Эрбуа)¹⁵ к кордельерам, и под давлением этой делегации кордельеры не только отреклись от всякой солидарности с Жаком Ру, но и исключили из числа членов клуба как его самого, так и помогавшего ему при составлении петиции Теофиля Леклера.¹⁶ Наконец, в № 233 своей газеты¹⁷ от 4 июля 1793 г. Марат поместил статью, полную резких нападок не только на политическую деятельность, но и на личную жизнь Жака Ру. Однако все эти преследования со стороны монтаньяров не заставили вождя «бешеных» отказаться от его политической линии. Сразу же после смерти Марата, павшего от руки Шарлотты Кордэ 13 июля, а именно 16 июля, Жак Ру стал выпускать газету.¹⁸ В июльских и августовских номерах этой газеты Жак Ру продолжал выдвигать ту же самую программу, которая составляла основное содержание его выступления 25 июня, а именно требования установления максимума на все предметы первой необходимости, беспощадной борьбы с контрреволюцией и спекуляцией, конфискации всех нажитых спекулятивным путем богатств, изгнания бывших привилегированных из армии и администрации, взятия в качестве заложников жен и детей эмигрантов и т.д. При этом Жак Ру недвусмысленно намекал, что если эта его программа не будет осуществлена сверху, т. е. Национальным Конвентом и правительственными комитетами, то народу не останется ничего другого, как осуществить ее своими собственными руками.

Вряд ли есть надобность доказывать, насколько эта программа Жака Ру была неприемлемой для монтаньярской революционной буржуазии. Не говоря уже об ее экономической части, непосредственно направленной против самой идеи капиталистического накопления, и политическая часть программы Жака Ру ни в какой степени не соответствовала намерениям монтаньяров. Не потому, конечно, что они были против террора: если в чем можно упрекнуть монтаньяров, то это скорее в переоценке, чем в недооценке значения террора как формы классовой борьбы.¹⁹ Но тот террор, который признавали и вскоре столь широко стали применять монтаньяры, это был террор, направляемый против всех их противников, и справа и слева. Напротив, террор, которого требовали «бешеные», должен был проводиться только против действительных контрреволюционеров и - что особенно важно - контрреволюционеров из среды не только бывших привилегированных, но равным образом и крупной, в частности «новой» спекулятивной, буржуазии.

При таком положении вещей являлось совершенно неизбежным, что на голову Жака Ру должны были посыпаться новые репрессии. Если в начале августа они выразились только в ряде нападков на него и Леклера со стороны Робеспьера (заседания Якобинского клуба 5 и 7 августа)²⁰ и вдовы Марата - Симонны Эврар (конвентское заседание 8 августа²¹), то ситуация значительно обострилась после 18 августа. Но для того, чтобы понять события этого и последующих дней, нам будет необходимо на некоторое время оторваться от общеполитической деятельности Жака Ру и обратиться к его роли внутри, секции Гравилье.

II

Имеющиеся в нашем распоряжении архивные документы не позволяют, к сожалению, установить точно момент возникновения в секции Гравилье двух резко противоположных друг другу группировок - сторонников и противников Жака Ру. Постановление революционного комитета, секции Гравилье от 7 фримера II года, речь о котором пойдет у нас в дальнейшем, ограничивается констатированием того, что «царящий в секции раздор... вызван партией, давно уже созданной Жаком Ру»²²; но это указание, разумеется, слишком неопределенно, чтобы на его основании можно было установить конкретное время оформления этой созданной Жаком Ру «партии». Зато в значительно лучшем положении находится вопрос о персональном составе обеих группировок секции Гравилье.

Начнем с «партии» Жака Ру. В конце ноября 1793 г., при обстоятельствах, которые будут изложены дальше, революционный комитет секции Гравилье арестовал ряд сторонников Жака Ру, находившегося к тому времени уже в заключении. Перед отправкой в тюрьму арестованные были подвергнуты допросу, и дошедший до нас текст этого допроса²³ позволяет установить фамилии ближайших друзей вождя «бешеных» и определить их социальную физиономию. При этом нужно, конечно, помнить, что испуганные своим арестом сторонники «партии, созданной Жаком Ру», были заинтересованы в сокрытии своих с ним связей, в силу чего данные ими показания нуждаются, разумеется, в соответствующих коррективах. Кто же такие люди, допрошенные 7-8 фримера II года революционным комитетом секции Гравилье, и каковы были их взаимоотношения с Жаком Ру?

Вот прежде всего, по-видимому, ближайший друг Жака Ру, ибо именно ему тот в момент своего ареста отослал на сохранение свое белье, серебряную посуду и деньги в сумме 2160 ливров. Его зовут Николя Натте (Nicolas Natte), проживает он по улице де Вертю, № 20; по профессии он столяр.

Напуганный своим арестом и, главное, тем, что у него при обыске нашли письмо Жака Ру, очевидно посланное уже из тюрьмы, Натте пытается отрицать свою близость к Жаку Ру и лишь признает, что он однажды ужинал у него вместе со своей женой, Грайло (Grillot) и женой последнего. Однако найденное у него письмо показывает, что именно ему Жак Ру, уже находясь в тюрьме, поручил подыскать для себя защитника, а допрошенный в тот же день проживавший у Жака Ру мальчик - Масселен утверждает, что Натте не только «восемь или десять раз приходил и шесть раз ужинал» у Жака Ру, но даже посетил его однажды в тюрьме.²⁴ Ясно, что это действительно близкий друг Жака Ру и что лишь испуг прослыть «подозрительным» заставляет его во время допроса отрицать свою близость к сидящему в тюрьме вождю «бешеных».

Вслед за Натте допрашивается другой близкий к Жаку Ру человек. Его зовут Жан Луи Грайло (Jean Louis Grillot), он живет тоже на улице де Вертю, по профессии он тоже столяр. По его словам, он случайно познакомился с Жаком Ру, обратившись к нему за советом о том, каким образом оформить свой развод с женой. После этого он лишь встречался с ним на секционных собраниях и только однажды ужинал у него со своей женой, Натте и его женой. Однако, несмотря на свое явное желание скрыть свою близость к Жаку Ру, Грайло все же вынужден признать, что он дважды посетил его в тюрьме.²⁵ Это дает основание думать, что и Грайло принадлежал к ближайшему окружению Жака Ру.

Далее допрашивается Жан Баптист Дюкло (Jean Baptiste Duclos), холостой, проживающий по улице Шапон, № 16. Это уже не рабочий, а рантье, но рантье крайне мелкий, ибо его доход составляет всего лишь 560 ливров в год. На заданный ему вопрос: «Почему ты так интересуешься Жаком Ру даже после того, как он признан подозрительным?» - Дюкло отвечает, что «он интересуется им не более, чем кем-либо другим».²⁶ Однако это вряд ли соответствует действительности, так же как и его утверждение, что он никогда не бывал у Жака Ру. Ибо тут же допрошенный Масселен не только заявляет, что Дюкло был у Жака Ру восемь или десять раз, но и на поставленный ему в упор вопрос: «Кто чаще всего ходил к Жаку Ру?» - отвечает: «Натте и Дюкло». Да и сам Дюкло в конце концов оказывается вынужденным признать, что аккуратно читал газету Жака Ру и получил разрешение на посещение его в тюрьме один раз в неделю.²⁷

Наконец, к числу друзей Жака Ру, хотя, по-видимому, и менее близких, чем перечисленные выше, надо отнести и сапожника Жака Бурбона (Jacques Bourbon), проживавшего в доме № 34 по улице Филиппо и признавшего, что он однажды зашел с Жаком Ру в пивную, а другой раз был у него дома, чтобы взять ружье.²⁸ То же самое, по-видимому, нужно сказать и о подмастерье - токаре Жаке Нодо (Jacques Nodau или Nodot), по его словам только один раз бывшем у Жака Ру на дому.²⁹

Наряду с личными друзьями Жака Ру, анализируемый нами документ дает представление и о людях, не могущих быть причисленными к числу его друзей, но все же так или иначе с ним связанных. Таковы лимонадчик (limonadier) Жак Боске (Jacques Bosquet), чирргел Николая Менен Мишю (Nicolas Menin Michault), сапожник Жан Франсуа Соже (Jean Francois Sauge) и лимонадчик Этьенн Филипп (Etienne Philippe).³⁰

Подводя теперь итог изложенному, мы видим, что среди ближайшего окружения Жака Ру в секции Гравилье мы встречаем двух столяров (Натте и Грайо), двух сапожников (Бурбон и Соже), одного токаря (Нодо), двух лимонадчиков (Боске и Филипп), одного интеллигента (Мишо) и одного мелкого рантье (Дюкло). Если же мы попытаемся дать социальную характеристику этим людям, то у нас получится следующая картина.

Бесспорно, конечно, что рантье Дюкло следует характеризовать как мелкого буржуа, а Мишо - как мелкобуржуазного интеллигента. Зато с другими друзьями Жака Ру дело обстоит значительно сложнее. Прежде всего возникает вопрос: что следует понимать под термином «limonadier»? Ведь это слово может одинаково обозначать как только продавца напитка, так одновременно и его продавца и производителя. В первом случае мы бы имели дело с мельчайшим торговцем (скорее всего в разнос); во втором, вернее всего, с мелким самостоятельным производителем, вряд ли эксплуатировавшим чужой труд.

Еще сложнее обстоит дело с другими близкими Жаку Ру людьми. На языке Франции XVIII в. термины «столяр», «плотник», «бочар», «сапожник» и т.п. обозначали в равной степени как наемных рабочих, так и подмастерьев и даже владельцев крупных ремесленных мастерских. Известно, например, что домохозяин и друг Робеспьера - Дюпле - скромно именовал себя столяром, что не мешало ему, однако, эксплуатировать несколько десятков рабочих. Конечно, в данном конкретном случае вряд ли может идти речь о чем-либо подобном, но все же можно с равным основанием предполагать, что «столяры» Натте и Грайо и «сапожники» Бурбон и Соже были либо мелкими самостоятельными мастерами, либо подмастерьями. Лишь о «токаре» Нодо документы прямо говорят, что он был ремесленным подмастерьем.³¹ Но даже если предположить, что среди ближайших сторонников Жака Ру не было ни одного рабочего крупной централизованной мануфактуры, все они, однако, бесспорно являлись представителями ремесленного предпролетариата или самых низов мелкой буржуазии, т.е. могут быть полностью отнесены к понятию «плебейских масс», или «санкюлотов». Совершенно иной характер носил социальный состав враждебной Жаку Ру группировки секции Гравилье. Ее вождем был некий Жермен Трюшон, которого Жак Ру не без основания называл «заправилой секции Гравилье».³² Этот Трюшон имел достаточно веские причины ненавидеть Жака Ру. В ночь с 9 на 10 августа 1792 г. он был избран секцией Гравилье членом революционной Парижской Коммуны и, по свидетельству авторитетнейшего исследователя истории этой Коммуны Бреша, уже скоро сделался одним из ее наиболее известных членов.³³ Но такое положение продолжалось недолго, и в отчете о вечернем заседании Парижской Коммуны 4 сентября 1792 г. мы читаем: «Секция Гравилье вторично сообщает, что г. Трюшон, один из ее комиссаров, потерял ее доверие; вместо него она избрала г. Пти».³⁴

Мы слишком мало знаем о внутренней жизни секции Гравилье, чтобы с достаточным основанием что-либо предполагать о причинах отзыва ею Трюшона из числа членов революционной Коммуны 10 августа. Возможно, что (на это указывает дата - 4 сентября) отзыв Трюшона должен быть поставлен в связь с его ролью во время так называемых «сентябрьских

убийств», когда, будучи членом одного из действовавших в это время в парижских тюрьмах стихийно возникших судов, он (чем он сам впоследствии хвастался) содействовал спасению ряда контрреволюционеров.³⁵ Как бы то ни было, для нас сейчас важны не столько причины отзыва Трюшона секцией Гравилье, сколько личность его заместителя. В самом деле, упоминаемый в отчете о заседании Коммуны 4 сентября Пти не кто иной, как тот сторонник Жака Ру (по-видимому, он был сыном его приятельницы, вдовы Пти), к которому тот впоследствии обратился от имени секции Гравилье с горячим письмом, оставшимся однако неотправленным и сохранившимся среди его бумаг в Национальном архиве.³⁶ Таким образом, Трюшон, надо думать, имел все основания приписывать свое отозвание из Коммуны настояниям Жака Ру. И хотя Трюшону каким-то неизвестным нам образом удалось остаться в составе Коммуны и заседать там рядом с Пти³⁷, однако несомненно, что события начала сентября 1792 г. оставили в сердце Трюшона неизгладимый отпечаток и определили его ненависть к Жаку Ру.

При всем том было бы неправильно объяснять тот факт, что именно Трюшон встал во главе противников Жака Ру в секции Гравилье, одной только его личной неприязнью к вождю «бешеных». Даже то немногое, что мы знаем о нем, позволяет нам установить более глубокие причины этой его позиции.

Жермен Трюшон, по профессии юрист и человек уже немолодой (в описываемое время ему было около 50 лет), представляется нам личностью крайне грязной и морально разложившейся. Еще до революции он был обвинен в двоеженстве и по приговору парламента провел в тюрьме семь лет, выйдя на свободу только в 1791 г.³⁸ Однако тюрьма его нисколько не исправила: после «сентябрьских убийств» про Трюшона ходили слухи, что он использовал свое участие в этих событиях для ограбления своих жертв, а агент Комитета общей безопасности Блаш, пользовавшийся Трюшоном в качестве секретного наблюдателя, открыто называл его негодяем и жуликом.³⁹ Поэтому мы не имеем никаких оснований не верить Жаку Ру, по словам которого Трюшон «каким-то образом присвоил себе дом, находящийся в ограде Тампля я приносящий 2400 ливров годового дохода».⁴⁰ Кроме того, говорил Жак Ру, подтверждая это утверждение конкретными именами и фактами, Трюшон «объявил себя защитником мошенников, банкротов и т.п.».⁴¹

Вот этот-то Трюшон, типичный авантюрист и проходимец, пытавшийся использовать революцию для своего личного обогащения, возглавил теплую компанию, объединившуюся против Жака Ру. В состав этой компании входили: 40-летний торговец и бывший член Коммуны 10 августа Пьер Эгас⁴²; Луи-Эдмонд Орейльи⁴³, дворянин и бывший директор оперного театра в Лондоне, попавший затем в число «подозрительных»⁴⁴; подписавший в свое время контрреволюционную петицию к Легислативе, что не помешало ему, однако, стать адъютантом парижской национальной гвардии Ulterick⁴⁵; какой-то Boursier, про которого Жак Ру, говорит, что «он теперь высокопоставленный и могущественный сеньер»⁴⁶; Легэ⁴⁷, Шемен⁴⁸ и т.д. Как видит читатель, в то время как вокруг Жака Ру группировались, как мы знаем, наиболее демократические слои секции Гравилье, против него объединились проходимцы и спекулянты из среды старой и «новой» буржуазии, в равной степени напуганные борьбой против спекуляции, столь энергично начатой вождем «бешеных» в последних номерах его газеты. Представителем этой компании в Коммуне был Трюшон, а в Конвенте - Леонар Бурдон, стоявший во главе смещавшегося в пределах секции Гравилье так называемого «Института молодых французов».

Таковы были две группировки, существовавшие в секции Гравилье летом 1793 г. Борьба между ними, до того, вероятно, носившая относительно мирный и, возможно, спорадический характер, в середине августа переросла в открытое и решительное столкновение. Произошло это, по-видимому, в связи с развернувшимся в это время массовым движением парижских секций за рассекречивание державшихся до того в тайне данных о продовольственном положении Парижа и за полную реорганизацию всего дела снабжения столицы продовольствием.⁴⁹ Как бы то ни было, но 18 августа Жаку Ру и его ближайшим соратникам удалось произвести переворот в недрах секции Гравилье, в результате которого руководящие посты в секции попали в их руки.⁵⁰ В ответ на это враги Жака Ру во главе с Трюшоном обратились за помощью к Парижской Коммуне, и представители этой последней по прямым указаниям Шометта и Эбера не только восстановили в секции нарушенный status quo⁵¹, но и добились ареста Жака Ру и наиболее активных его сторонников.⁵² Однако выставленные против них обвинения оказались настолько легковесными, что ведший следствие полицейский администратор Фруадюр хотя и передал дело о Жаке Ру и Ле Дре на рассмотрение трибунала исправительной полиции, вместе с тем уже 27 августа оказался вынужденным освободить их на поруки.⁵³

Если монтаньяры надеялись, что принятые ими против Жака Ру репрессивные меры заставят его отступить, то они глубоко ошиблись. Как в номерах «Публициста Французской республики», выпущенных Жаком Ру в дни его ареста, так и в ближайших после этого номерах вождь «бешеных» продолжал отстаивать свою, уже известную нам экономическую и политическую платформу. Доказывая, что принятый Конвентом 27 июля закон о скупке на практике не применяется, так как «во главе администрации стоят лишь богачи, собственники, люди, заботящиеся лишь о набивании своих карманов».⁵⁴ Жак Ру требовал не только более решительной борьбы со спекуляцией, чистки административных органов и применения массового революционного террора. «Пусть во всех коммунах Республики, - читаем мы в № 263 «Публициста Французской республики», вышедшем в самом начале сентября, - будут учреждены комиссии для обследования нажитых во время революции состояний... Пусть... часть имущества роялистов, федералистов и оставивших свои пост и предавших нацию депутатов поступит в раздел между победоносными санкюлотами и их вдовами».⁵⁵

Нет никакого сомнения в том, что эта агитация Жака Ру и других «бешеных», совпавшая по времени с моментом максимального обострения продовольственного положения в Париже, сыграла немалую роль в подготовке «плебейского натиска» на Конвент в дни 4-5 сентября 1793 г.⁵⁶ Не касаясь сейчас всех перипетий этого события, неоднократно освещенного в работах как зарубежных⁵⁷, так и советских историков⁵⁸, отметим только, что в результате «плебейского натиска» монтаньяры, выполнив важнейшие требования руководимых «бешеными» плебейских масс (закон о всеобщем максимуме, создание революционной армии, постановление террора «в порядок дня»), вместе с тем приняли меры, имевшие своей непосредственной целью сделать невозможным повторный «плебейский натиск». Важнейшими из них были ограничение прав парижских секций (закон 5 - 9 сентября) и разгром группы «бешеных».⁵⁹

В отношении лично Жака Ру это последнее мероприятие было в некоторой степени облегчено его собственной неосторожностью. Явившись утром 5 сентября в Якобинский клуб вместе с делегатами 48 парижских секций, среди которых в числе прочих находился пролезший в председатели секции Fontaine de Grenelle близкий к жирондистам Бонкарер, и не разобравшись в подлинном лице этого господина, Жак Ру попытался с ним заблокироваться. Это обстоятельство было ловко использовано якобинцами для того, чтобы изобразить Жака Ру в качестве союзника жирондистов. В результате этого, по постановлению Якобинского клуба, Бонкарер и Жак Ру были тут же задержаны и отведены в революционные комитеты их секций.⁶⁰ На следующий день, 6 сентября, Жак Ру был заключен в тюрьму Сент-Пелажи.⁶¹ Больше ему уже не было суждено видеть свободы.

III

Заключенный в Сент-Пелажи, Жак Ру продолжал, однако, издание своей газеты. Уже ее ближайший, 264-й, и в особенности последующие номера свидетельствуют о коренном изменении, происшедшем в это время в его настроении. Это изменение было вызвано, по-видимому, отнюдь не одними только фактами его ареста и преследований, которым подверглись в это же время другие представители «бешеных»⁶², но и значительно более глубокими причинами. Заключались они в том, что в результате буржуазной ограниченности якобинцев, установленная ими после событий 4-5 сентября система «революционного порядка управления» оказалась направленной не только против контрреволюционеров, но и в некоторой (хотя и в несравненно меньшей) степени против представителей плебейских масс.⁶³ Этому же способствовал и классовый состав большинства органов якобинской диктатуры и прежде всего революционных комитетов, ведавших арестом «подозрительных».⁶⁴ Вот это-то обстоятельство и явилось причиной происшедшего в сентябре 1793 г. поворота во взглядах Жака Ру и других «бешеных».

Мы видели выше, что до этого времени Жак Ру (так же как и другие «бешеные») был всегда сторонником террора. Однако при этом он неизменно исходил из предположения, что тот террор, к которому он призывал, будет направлен исключительно только против действительных контрреволюционеров. Когда же оказалось, что террор, применяемый теперь монтаньярами, направлен не только против врагов народа, но и против «бешеных», отношение Жака Ру к такому террору оказалось самым отрицательным. Это ярко проявилось уже в первом номере газеты, выпущенном Жаком Ру из тюрьмы. Приветствуя в этом номере массовый террор, направленный против контрреволюционеров, крупных торговцев, наживающихся на революции спекулянтов и т. д., Жак Ру затем продолжал: «Но несправедливо и бесчеловечно арестовывать, на основании неопределенных доносов того или иного гражданина, той или иной фракции, того или иного общества, людей, единственное преступление которых очень часто состоит лишь в том, что они - рьяные патриоты».⁶⁵

В следующих номерах «Публициста Французской республики» Жак Ру вскрывает причины такой двусторонней направленности якобинского террора. Заключаются они, по его мнению, в том, что применение закона о подозрительных «поручено врагам народа и интриганам, которые злоупотребляют им для того, чтобы осуществлять свою жажду мести в отношении тех, кто осмеливается разоблачать их разбой и предательство...»⁶⁶ В результате этого «среди арестованных больше невинных, чем виновных».⁶⁷ Все это, полагает Жак Ру, не является случайностью, а естественно вытекает из самой системы комплектования революционных комитетов. «Кто такие лица, могущие занимать должности комиссаров (т.е. членов революционных комитетов. - Я.З.)? Это лица, умеющие читать и писать. Следовательно, в деревнях это крупные землевладельцы, фермеры, бывшие привилегированные и судейские. В городах это финансисты, крупные торговцы, адвокаты и прихвостни старого режима».⁶⁸

Приведенные нами цитаты позволяют утверждать, что на данном этапе своей деятельности Жак Ру возражал не против самого якобинского террора как такового, а лишь против его двусторонней направленности. Но на этой позиции Жак Ру не удержался и вскоре скатился на ошибочную позицию общего осуждения всего якобинского террора в целом.

Эта новая позиция Жака Ру с полной очевидностью выявилась уже в № 269 «Публициста Французской республики», вышедшем в начале октября. «Во всех республиках, - писал в этом номере Жак Ру, - те заключенные, кого не признавали виновными, подлежали немедленному освобождению. В отношении подозрительных лиц ограничивались тем, что устраняли их от общественных должностей... Каким образом может укрепиться конституция, если наказуются еще не совершенные преступления?»⁶⁹ А в следующем, 270-м, номере своей газеты, эпиграфом к которому были взяты слова Вольтера: «Арестовывать римлян по простому подозрению - значит действовать тиранически» («Arreter les Romains sur de simples soupçons, c'est agir en tyrans»), Жак Ру утверждал, что «искусство законодателя заключается не в том... чтобы править людьми посредством страха, а в том, чтобы повелевать ими при помощи мудрости и мягкости управления», и требовал отмены закона о подозрительных.⁷⁰

176

Глубоко ошибочная позиция, занятая в это время Жаком Ру в отношении якобинской диктатуры, выразилась не только в его взглядах по вопросу о терроре. Жак Ру теперь высказывается не только против якобинского террора, но и против тесно с ним связанной системы «революционного порядка управления» вообще. В № 266 «Публициста Французской республики» он негодует по поводу того, что «созданная нами прекрасная конституция была, очевидно, принята только для того, чтобы ее поминутно нарушать»⁷¹, а в № 267 он требует, чтобы «конституция была введена в действие немедленно»⁷², под чем явным образом подразумевается немедленное введение в действие демократической конституции 1793 г.

Вряд ли есть надобность пояснять, что все эти выступления Жака Ру в сентябре-октябре 1793 г. могли только ухудшить его положение и прямым путем вели его к гильотине, к которой из тюрьмы Бисетр (куда он был переведен из Сент-Пелажи⁷³) оставалось сделать только один шаг.⁷⁴ К тому же критическое положение, создавшееся для Жака Ру, было усугублено новым переворотом, происшедшим в это время в его секции, - переворотом, непосредственно направленным как против него самого, так и против его сторонников. Если до сих пор секция Гравилье, несмотря на события, происшедшие в ней в двадцатых числах августа, все же не отказывалась от поддержки Жака Ру (это видно из ее ходатайства о его освобождении, обсуждавшегося в заседании Парижской Коммуны 23 сентября⁷⁵), то в последовавшие затем недели положение изменилось самым решительным образом.

Почти несомненно, что новый переворот в секции Гравилье, не только лишивший сторонников Жака Ру какого бы то ни было влияния в общем собрании секции, но и отдавший революционный комитет секции в руки его самых ожесточенных противников, должен быть поставлен в прямую связь с происшедшим в это время во всем Париже полным подчинением секционных органов Коммуне. Конец этого подчинения, как известно, наступил лишь с изданием учредительного закона 14 фримера.⁷⁶ Мы видели выше, что наряду с группой Жака Ру в секции Гравилье существовала и враждебная ему фракция, группировавшаяся вокруг Трюшона, ставленника Леонара Бурдона. Через посредство этого последнего группа Трюшона была тесно связана с тогдашним эбертистским большинством Парижской Коммуны, и мы уже видели, с какой энергией Эбер и Шометт помогали ей в ее борьбе с Жаком Ру и его сторонниками. Если так было в августе, то совершенно ясно, что в дальнейшем, когда влияние эбертистов достигло апогея, их энергичная деятельность могла только усилиться. С другой стороны, закон 5-9 сентября 1793 г., предоставлявший Коммуне право снимать с должности членов революционных комитетов секций и назначать на их место других⁷⁷, давал эбертистским противникам Жака Ру легально . . .

в секции Гравилье был поставлен вопрос о том, какое из ее двух обществ должно будет прекратить свое существование.

О борьбе, развернувшейся вокруг этого вопроса в недрах секции Гравилье, мы знаем очень мало и притом исключительно лишь из показаний друзей Жака Ру, вскоре обвиненных в том, что они выступали против общества улицы Вербуа. Если же принять во внимание, что постановление Парижской Коммуны 24 брюмера грозило рассматривать в качестве подозрительных всех, кто будет противиться его осуществлению⁸³, то станет ясным, что слишком больших подробностей относительно их деятельности в этом вопросе от допрашиваемых сторонников Жака Ру ждать не приходилось. И все же несмотря на это показания допрошенных 7 и 8 фримера лиц проливают некоторый, хотя и далеко не достаточный, свет на события, развернувшиеся в это время в секции Гравилье.

Прежде всего из этих показаний явствует, что борьбу против сторонников Жака Ру в общем собрании секции Гравилье на этот раз возглавлял уже не Трюшон, а сам Леонар Бурдон. Ссылаясь на то, что согласно постановлению 24 брюмера при существовании в одной секции двух секционных обществ продолжать свое существование должно было то, которое возникло первым⁸⁴, Леонар Бурдон требовал, чтобы «все добрые санкюлоты присоединились к патриотическому обществу улицы Вербуа».⁸⁵ Само собой разумеется, что это предложение вызвало протесты сторонников Жака Ру, и уже во время речи Бурдона его прерывали многочисленные возгласы с мест.⁸⁶ А затем стали вноситься различные предложения, имевшие целью в той или иной форме добиться отклонения признания общества улицы Вербуа единственным законным народным обществом секции Гравилье. Так, например, Дюкло говорил, что «хотя общество улицы Вербуа сделало много хорошего 10 августа и всегда было центром, объединявшим всех патриотов секции» (не забудем, что мы цитируем здесь позднейшие показания Дюкло, данные в момент его ареста, и что поэтому весьма вероятно, что он умышленно прикрашивал то, что говорил в действительности об обществе улицы Вербуа!), однако «секционное общество (т. е. общество, в котором господствовали сторонники Жака Ру. - Я.З.) более многочисленно» и поэтому именно оно должно продолжать свое существование.⁸⁷ Другие же сторонники Жака Ру, не решаясь прямо призывать к ликвидации общества улицы Вербуа, предлагали либо сохранить и в дальнейшем параллельное существование обоих обществ, либо их объединить. Так, Бурдон, ссылаясь на то, что постановление Коммуны якобы допускает и в дальнейшем существование двух секционных обществ в тех случаях, когда оба они достаточны стары, требовал сохранения ранее существовавшего положения.⁸⁸ А Мишо (Michault), исходя из того, что «в обществе улицы Вербуа имеются хорошие патриоты», полагал, что «оба общества могут существовать, не соперничая друг с другом», и лишь на худой конец соглашался, чтобы «оба общества объединились и образовали одно».⁸⁹

Совершенно ясно, однако, что поскольку революционный комитет секции Гравилье теперь, как мы знаем, находился в руках злейших врагов Жака Ру, позиция его сторонников не могла не быть битой. Вот почему, хотя им и удалось добиться сохранения существования двух отдельных обществ, революционный комитет секции использовал борьбу друзей Жака Ру против общества улицы Вербуа для того, чтобы с ними расправиться (не забудем, что постановление Коммуны от 24 брюмера предлагало рассматривать в качестве подозрительных всех, кто будет противиться его осуществлению).⁹⁰ В соответствии с этим 7 фримера II года Республики (27 ноября 1793 г.) революционный комитет секции Гравилье принял следующее постановление:

«Законно собравшиеся члены революционного комитета секции Гравилье, справедливо возмущенные раздором, царящим в секции и, в частности, в ее общем собрании и вызванным партией, давно уже созданной Жаком Ру, содержащимся ныне в тюрьме Бисетр как подозрительный; принимая во внимание, что введенные в заблуждение, подкупленные этим чудовищем граждане должны обратить на себя внимание указанного комитета; что все друзья свободы, равенства и нераздельности Республики были справедливо возмущены и с ужасом наблюдали, как прихвостни Жака Ру с яростью боролись против осуществления постановления Коммуны от 24 брюмера;., принимая, наконец, во внимание, что главными деятелями указанной гнусной партии, пытавшимися бороться против осуществления названного постановления Коммуны и не перестававшими мешать работе общего собрания, являются граждане Бурдон, Натте, Грайо, Нодо, Мишо, Дюкло, Босме, Со же, Филипп и другие,- постановляют, что указанные граждане будут немедленно арестованы».

На следующий день, 8 фримера, все арестованные были подробно допрошены. В результате этого допроса революционный комитет секции Гравилье пришел к выводу, что все арестованные им граждане, кроме Нодо, который виновен только в заблуждении, «посеяли пламя раздора в среде общего собрания секции и вопреки закону пытались добиться роспуска горящего огнем чистейшего патриотизма и республиканизма общества улицы Вербуа».⁹¹ В силу этого все

перечисленные сторонники Жака Ру, за исключением одного только Нодо, были постановлением революционного комитета отправлены как подозрительные в тюрьму Ла-Форс,⁹² где они и просидели до 22 термидора II года.⁹³

Но постановление революционного комитета секции Гравилье касалось не только сторонников Жака Ру, но также и его самого. В своем постановлении комитет констатировал, что «Жак Ру не переставал клеветать на все установленные власти и, в частности, на Национальный Конвент. Целью его являлось заставить народ сбросить эти власти и таким образом ниспровергнуть республиканский строй, подобно тому, как это, к сожалению, произошло в Освобожденном Городе, бывшем Лионе... Жак Ру не переставал громить барышников, торговцев, влиятельных людей (*les gens en place*). В то время как на самом деле лишь некоторые из этих лиц развращены, он утверждал, что таковы все. Он входил на трибуну лишь для того, чтобы говорить народу, что он суверен, что он имеет право прогнать всех влиятельных людей и должностных лиц, что, собравшись в общее собрание, он имеет право делать все, что угодно, что его суверенитет установлен и что он имеет право судить всех своих уполномоченных».⁹⁴

Между тем, согласно постановлению департамента полиции Парижской Коммуны от 27 августа 1793 г., Жак Ру подлежал, как мы знаем, суду трибунала исправительной полиции, и суд этот был назначен на 25 нивоза (14 января 1794 г.) в помещении Шатлэ. 23 нивоза были разосланы повестки свидетелям⁹⁵, а 24-го был вызван и сам Жак Ру, причем в посланной ему повестке указывалось, что он должен будет «дать объяснение и отвечать за факты, указанные в составленном 23 минувшего августа департаментом полиции протоколе, который констатирует, что Жак Ру обвиняется в том, что он вызвал беспорядок в среде общего собрания своей секции; растратил собранные им деньги, проповедовал, посредством призыва к грабежу, нарушение собственности и пытался дискредитировать установленные власти».⁹⁶ В первом из перечисленных преступлений, кроме Жака Ру, обвинялся и оружейник (*armurier*) Ледре.⁹⁷

Суд выслушал показания вызванных свидетелей, среди которых фигурировали такие яростные враги Жака Ру, как Эгасс, Бурсье и Леге⁹⁸, и допросил обвиняемых. После этого поднялся национальный агент при трибунале и заявил, что вопрос о Ледре не подлежит рассмотрению суда и должен быть передан в секцию Гравилье, которой, согласно закону, одной только принадлежит право ведать делами своего внутреннего распорядка.¹⁰⁰ Что же касается Жака Ру, то, по мнению национального агента, выявившиеся во время судебного следствия обвинения против него настолько серьезны, что трибунал исправительной полиции должен признать это дело себе неподсудным и передать его в Революционный трибунал.¹⁰¹

Трибунал исправительной полиции полностью согласился с точкой зрения национального агента. «Принимая во внимание, что некоторые из предъявленных указанному Жаку Ру обвинений,- гласило его постановление, - не входят в компетенцию исправительной полиции и подлежат рассмотрению Революционного трибунала, трибунал признает себя некомпетентным и передает дело Жака Ру Революционному трибуналу, в канцелярию которого должны быть немедленно пересланы все документы по этому делу. Что касается самого Ру, то он должен быть возвращен в Бисетр, где и будет пребывать вплоть до суда».¹⁰²

Таким образом, Жак Ру должен был возвратиться в тюрьму, где ему предстояло дожидаться вызова в Революционный трибунал, из которого, в условиях того времени, дорога для него могла быть только одна - на гильотину. Но тут произошло совершенно неожиданное для суда происшествие. По выслушании постановления суда, гласит тут же составленный трибуналом исправительной полиции протокол, «гражданин Жак Ру попросил разрешения сделать суду замечание и поблагодарил трибунал за строгость вынесенного им приговора. Затем, делая вид, что прячет под левую сторону своей одежды какие-то бумаги, Жак Ру правой рукой раскрыл маленький нож с ручкой из слоновой кости и нанес себе несколько ударов с целью покончить самоубийством. Это движение было сразу же замечено, и находившиеся в зале жандармы и судебные пристава схватили Жака Ру, отняли у него оружие и унесли его, обливающегося кровью, в совещательную комнату. Для осмотра его раны был вызван врач».¹⁰³

Вскоре затем прибывший врач признал, что ни одна из нанесенных себе Жаком Ру ран не является опасной, и после сделанной им перевязки раненый был переведен в больницу при Бисетрской тюрьме.¹⁰⁴

Но и находясь в больнице, Жак Ру не оставил мысли о самоубийстве. Почти через три недели после его первого покушения - 16 плювиоза (4 февраля) *officier de paix* Мерсеро со слов *officier de sante* Бисетрской тюрьмы доносил Фулье-Тенвиллю, что находящийся на излечении в тюремной больнице Жак Ру «с целью избежать Революционного трибунала употребляет все средства, чтобы ухудшить состояние своего здоровья».¹⁰⁵ «Я заявляю также - писал далее Мерсеро, - что хотел бы выступить в качестве свидетеля в процессе Жака Ру, так как я председательствовал в Генеральном совете Парижской Коммуны, когда названный Жак Ру провоцировал грабежи, происшедшие 25 февраля 1793 г.»¹⁰⁶

Однако старания Жака Ру не давали желаемого результата, и его раны начали заживать.¹⁰⁷ Тогда, через пять дней после доноса Мерсеро, 21 пювиоза, Жак Ру нанес себе несколько новых ран, и посетивший его в тот же день Форишон, *chirurgien en second*, признал его положение крайне опасным.¹⁰⁸ На следующий день, 22 пювиоза (10 февраля)¹⁰⁹, Жак Ру скончался.¹¹⁰

В рапорте секретного агента министерства внутренних дел Dugas за 2 пювиоза (21 января 1794 г.), приводимом в книге Пьера Карона (P. Caron. Op. cit. t. III, p. 72) между прочим говорится: «Обращают внимание на то, что Жак Ру, сопровождавший Капета, тогда этого страна не была, похоронен день в день через год после этого. Он умер от последствий своих ран». Как справедливо отмечает Карон в примечании к этому рапорту (*ibid.*) документы картонка W²⁰ Национального архива дают основание утверждать, что Жак Ру умер только 22 пювиоза. Упоминается рапорт Dugas, тогда, по видимому, был следствием циркулировавших по Парижу преждевременных слухов о смерти Жака Ру. Это показывает, что и после ареста Жака Ру и прекращения издания его газеты *плебейские массы Парижа не забыли своего вождя и интересовались его судьбой.*

¹ M. Dommanget. Jacques Roux (le cure rouge) et le Manifesto des Enrages. Paris, [s.a.].

² G. Rude et A. Sobou1. Le maximum des salaires parisiens et le 9 thermidor. «Annales Historiques de la Revolution Franchise», № 134, 1954, p. 3-4.

³ Текст петиции 25 июня, напечатанный вскоре Жаком Ру в виде особой брошюры, имеется в Arch. N., W²⁰ и воспроизведен А. Матъезом в «Annales Revolutionnaires» за 1914 г.

⁴ «Petition», *passim*.

⁵ По поводу этих слов В. Марков справедливо замечает: ««Бешеные» первыми приблизительно правильно поняли или, по крайней мере, почувствовали буржуазную ограниченность якобинизма» (W. Markov. Grenzen des Jacobiner-staatos, S. 228).

⁶ К. Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 8, стр. 120.

⁷ Письмо Ф. Энгельса к Каутскому от 20 февраля 1889 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVIII, стр. 81.

⁸ Там же, стр. 82.

⁹ Отметим мимоходом, что такое же недовольство революционной буржуазии вызвал в свое время и гораздо менее определенный, чем у Жака Ру, протест «Cercle social» против формального характера буржуазной демократии. См. В. С. Алексеев-Попов. Социальный кружок и его политические и социальные требования. Сб. «Из истории социально-политических идей» к 75-летию В. П. Волгина.

¹⁰ Archives parlementaires, I serie, t. LXVII, p. 458-459.

¹¹ Arch. K., W²⁰. «Extrait du registre des deliberations de la societe des Cordeliers scant rue de Thionville ci-devant Dauphine du 27 juin 1793 2-me de la Republique».

¹² Arch. N., W²⁰. «Section des Gravilliers. Assemblee generale permanente. Ex-trait du registre de l'assemblee generale du 25 (в тексте сказано 23, но это явная описка. - Я.З.) juin 1793 l'an 2 de la republique F-se une et indivisible».

¹³ Arch. X., W²⁰.

¹⁴ A. Aulard. La Societe des Jacobins, t. V, p. 277-280.

¹⁵ *Ibid.*, p. 281.

¹⁶ Так как протоколы заседаний кордельерского клуба до нас не дошли, мы знаем о заседании кордельеров 30 июня только из доклада посланной к ним делегации Якобинского клуба, сделанного в заседании этого клуба 1 июля. См. Arch. N., W²⁰. «Extrait du proces-verbal de la seance de la Societe des Jacobins de Paris du premier juillet». Сам Жак Ру дал подробный и чрезвычайно любопытный рассказ о заседании кордельеров 30 июня в своем письме к Марату. Arch. N., W²⁰. «Jacques Roux a Marat».

¹⁷ «Le Publiciste do la Republique Franchise», № 233, du 4 juillet 1793.

¹⁸ «Le Publiciste dp la Republique Franchise par l'Ombre de Marat, l'Ami du Peuple, auteur de plusieurs ouvrages patriotiques». Комплект этой газеты, к сожалению неполный, имеется в Национальной библиотеке (Bibl. N., Lc² 227).

¹⁹ В этой связи нельзя не вспомнить замечаний В. И. Ленина о стремлении якобинцев «победить спекулянта казнями отдельных, немногих «избранных» и громами декламации» (В. И. Ленин. Сочинения, т. 27, стр. 304) и что гильотина «только запугивала, только сламывала активное сопротивление» (В. И. Ленин. Сочинения, т. 26, стр. 84).

²⁰ A. Aulard. Op. cit, t, V, p. 330, 336-337.

²¹ Archives parlementair.es, t. LXX, p. 527-528.

²² Arch. N, F⁷, 4775³. «Section des Gravilliers. Comite de surveillance. Le soptidi frimaire 1'an second de la Republique Francaise line et indivisible».

²³ *Ibid.*

²⁴ Arch. N. F⁷ 4775³. Другой, незначительно отличающийся от первого, текст допроса Natte содержится в Arch. N. F⁷ 2486.

²⁵ Arch. N. F⁷ 4775³.

²⁶ *Ibid.*

²⁷ Arch. N. F⁷, 4775³.

- ²⁸Ibid.
- ²⁹Ibid.
- ³⁰Ibid.
- ³¹Ibid.
- ³² «Le Publiciste de la Republique Franchise», № 261.
- ³³ F. Braesh. La Commune du 10 aout 1792, p.147.
- ³⁴ Buchez et Roux. Histoire parlementaire de la Revolution Francaise, t. XVIII, p. 257.
- ³⁵ A.Mathiez. Autour de Robespierre, p.179-185.
- ³⁶ Arch. N., W²⁰. «Au citoyen Petit». Впоследствии этот Petit имел какое-то отношение к «заговору равных» и намечался бабувистами на должность члена парижского муниципалитета. См. «Copie des pieces saisies dans le local quo Babeuf: occupait tors de son arrestation», t.I, p.73; t.II, p.94.
- ³⁷ F.Braesh. Op. cit., p. 649, 652.
- ³⁸ A.Mathiez. Autour de Robespierre, p.179-180.
- ³⁹ Ibid., p. 180.
- ⁴⁰ «Le Publiciste de la Republique Francaise», № 263, p. 1.
- ⁴¹ Ibid.
- ⁴² F.Braesh. Op. Cit., p. 252.
- ⁴³ «Le Publiciste de la Republique Francaise», № 268, p.8.
- ⁴⁴ См. донесение агента Панетье от 24 сентября 1793 г.; P.Caron, Paris pendant la Terreur, t.I, p.185.
- ⁴⁵ Arch. N., W²⁰. Допрос Жака Ру 23 августа 1793 г. «Le Publiciste de la Republique Franchise», N 263, p.8.
- ⁴⁶ Ibid., p. 6.
- ⁴⁷ Arch. N., W²⁰. Допрос Legay 22 августа 1793 г.
- ⁴⁸ Arch. N., W²⁰. Допрос Жака Ру 23 августа 1793 г.
- ⁴⁹ Подробнее об этом см. А.Матьез. Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М., 1928, стр. 197-220; С.Л.Сытин. Борьба плебейских масс Парижа во главе с Ру и Леклером за удовлетворение своих социально-экономических требований в июле - сентябре 1793 г. «Уч. зап. Ульяновск. Гос. пед. ин-та им. И.Н.Ульянова», 1956, вып. VIII, стр.288-308.
- ⁵⁰ F⁷ 4775³. «Section des gravilliers. Pnuvs-verbal do la seance du 18 aout. 1793.
- ⁵¹ Arch. N. F⁷ 4775³. «Section des Gravilliers. Pnuvs-verbal du 22 a out 1793, Pan 2-me do la Republique Francaise line et indivisible».
- ⁵² "Journal do la Monlagne" № LXXXТIT. Цит. у Buchez et Roux. Op. cit., t.XXVIII. p.480-481.
- ⁵³ Arch. X., W²⁰. Commune de Paris. Departement de Police. Le 27 aout 1793».
- ⁵⁴ Le Publicist do la Republique Franraise». № 260 (23.VIII 1793), p.3-1.
- ⁵⁵ Le Publiciste de la Republique Francaise». № 2113. p.
- ⁵⁶ Подробное об этом см. А.Матьез, ук.соч., G.Rude. The Crowd in the Frenrh Revolution. Oxford, 1959; С. Л. Сытин. указ.соч.
- ⁵⁷ См. напр., А.Матьез, ук.соч.; G.Rude, op.cit.; E.Soreau. Les-ouvriers anx journees du 4 et 5 septembre 1793. Annales Historiques de la Revolution Francaise, 1937; A. Soboul. «Les sans-culottes parisiens en 1'an II». 1958 и др.
- ⁵⁸ С.Л.Сытин. Указ.соч.: Р.М.Тонкова-Яковкина. Дни же тип? народных масс в Париже 4-5 сентября 1793 г. Сборник памяти Е.В.Тарле.
- ⁵⁹ A.Soboul, op. cit.
- ⁶⁰ Arch. N. F⁷ 2486.
- ⁶¹ Arch. N. BE³ 81. «Proces-verbal de la seance du Comite de Saint Public dir Departement de Paris du 6 septembre 1793».
- ⁶² 18 сентября был арестован Варле. Около этого же времени Леклер был вынужден прекратить издание своей газеты.
- ⁶³ «Санкюлоты,- пишет по этому поводу А.Собуль, - ради подавления аристократии требовали создания сильного правительства. Но они не предвидели, что для того, чтобы победить, это правительство окажется вынужденным привести их самих к подчинению» (A.Soboul. Theses. These principale: «Les sans-culottes parisiens en 1'an II», p. 2). Ср. также С. Л. Сытин. Указ, соч., стр. 320.
- ⁶⁴ Чрезвычайно интересные цифровые данные о классовом составе революционных комитетов содержатся в статье: A.Soboul. A propos de la Revolution Franchise, в коллективной работе «Du feodalisme au capitalisme» («La Pensee». № 65, 1956, p. 28). Ср. также G. Rude. Les ouvriers parisiens dans la Revolution-Francaise. «La Pensee», № 48-49, 1953, p. 128.
- ⁶⁵ «Le Publiciste de la Republique Frangaise», № 264, p. 3-4.
- ⁶⁶ «Le Pubkiste de la Republique Franfaise», № 265, p.3-4.
- ⁶⁷ Ibid., p.6-7.
- ⁶⁸ «Le Publiciste de la Republique Francaise», № 267, p.6-7.
- ⁶⁹ «Le Publiciste de la Republique Francaise», № 269, p.6.
- ⁷⁰ «Le Publiciste de La Republique Francaise», № 270, p.1-5.

- ⁷¹ «Le Publiciste de la Republique Francaise», № 266, p. 7.
- ⁷² «Le Publiciste de la Republique Francaise», № 267, p.4.
- ⁷³ «Le Publiciste de la Republique Francaise», № 271, p.8.
- ⁷⁴ Очевидно, осознав это, Жак Ру в № 271 своей газеты отказывался от ее дальнейшего издания, пытался принести повинную и обещал впредь идти по дороге, которую «покажут ему друзья равенства» (ibid.). Однако это покаяние было слишком запоздалым и уже не могло изменить его судьбу.
- ⁷⁵ «Reimpression de l'ancien Moniteur», t. XVII, p.729.
- ⁷⁶ См. об этом: E. Me Hie. Les sections de Paris pendant la Revolution Francaise», p.217-222. Soboul, op. cit.
- ⁷⁷ «Reimpression de l'ancien Moniteur», t. XVII, p.525-526.
- ⁸³ «Reimpression de l'ancien Moniteur», t.XVIII, p.426.
- ⁸⁴ Ibid.
- ⁸⁵ Arch. N. F⁷ 4775³. Показания Graillet.
- ⁸⁶ Ibid.
- ⁸⁷ Ibid, Показания Duclos.
- ⁸⁸ Ibid. Допрос Bourbon.
- ⁸⁹ Ibid. Допрос Michault.
- ⁹⁰ Soboul, op. cit., p.280. Arch. N. F⁷ 4775³. Постановление рев. комитета.
- ⁹¹ Arch. N. F.⁷ 4775³. «Section des Gravilliers. Comite de surveillance. Ce jourd'hui octodi frimaire de l'an II».
- ⁹² Ibid.
- ⁹³ Arch. N. F⁷ 4774^{F6}.
- ⁹⁴ Arch. N. F⁷ 4775³. «Section des Gravilliers. Comite de surveillance. Ce jourd'hui octodi frimaire de l'an II».
- ⁹⁵ Копии их сохранились в картоне W²⁰ Национального архива.
- ⁹⁶ Arch. N., W²⁰.
- ⁹⁷ Ibid.
- ⁹⁸ Ibid. Постановление трибунала исправительной полиции Парижской Коммуны от 25 нивоза II года.
- ⁹⁹ Ibid.
- ¹⁰⁰ Ibid.
- ¹⁰¹ Ibid.
- ¹⁰² Ibid.
- ¹⁰³ Arch. N., W²⁰. Протокол трибунала исправительной полиции 25 нивоза.
- ¹⁰⁴ Ibid.
- ¹⁰⁵ citoyen Fouquet (sic) accusateur public du tribunal revolutionnaire». «Mercereau, officier de paix».
- ¹⁰⁶ Ibid. Этот Мерсеро выступал впоследствии в качестве свидетеля в процессе эбертистов. Cp. Tuetey. Repertoire general des sources manuscrites de l'histoire de Paris pendant la Revolution Francaise, t.XI, p.48; G. W a 11 e r. Hebert et le pere Duchesne, p. 246-250.
- ¹⁰⁷ Arch. N., W²⁰. «Extrait du proces-verbal de Jacques Roux du 1 ventose an 2-e de la Republique Francaise une et indivisible».
- ¹⁰⁸ Ibid.
- ¹⁰⁹ Arch. N., W²⁰, «Extrait des registres de naissances, manages et deces des citoyens de la commune de Gentilly, departement de Paris. 23 pluviose».
- ¹¹⁰ Акт вскрытия его тела констатирует, что смерть явилась следствием поранения левого легкого. Arch. N., W²⁰. «Extrait du proces-verbal de Jacques Roux du 1 ventose».